

Попов А. Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949—1989) / А. Д. Попов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 471—487. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487.

Popov, A. D. (2022). “Building of Friendship” in Relations of Soviet Union and East Germany (1949—1989). *Nauchnyi dialog*, 11(6): 471-487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487

«Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949—1989)

Попов Алексей Дмитриевич^{1,2}
orcid.org/0000-0001-5672-1198,
Scopus Author ID 57190138295,
Researcher ID Q-2159-2017
кандидат исторических наук,
аффилированный научный сотрудник
проекта «Дружба по расчету:
стимулы и обоснования интеграции
европейских стран СЭВ»
popalex79@mail.ru

¹Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

²Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
проект № 19-78-10023

“Building of Friendship” in Relations of Soviet Union and East Germany (1949—1989)

Alexey D. Popov^{1,2}
orcid.org/0000-0001-5672-1198,
Scopus Author ID 57190138295,
Researcher ID Q-2159-2017
PhD in History,
Affiliated Researcher,
project “Friendship of convenience:
incentives and justifications for integration
European CMEA countries”
popalex79@mail.ru

¹V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

²Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 19-78-10023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Охарактеризован процесс «конструирования дружбы» внутри социалистического блока на примере отношений между СССР и ГДР. Руководство этих стран стремилось к установлению максимально дружеских отношений, базисом для которых являлся мемориальный консенсус, основанный на безусловном принятии официальной немецкой стороной советского взгляда на события Второй мировой войны. Однако на уровне межличностных контактов «негативный шлейф» коммуникативной памяти о событиях 1941—1945 годов сохранялся (перемещаясь в «зону умолчания»), даже несмотря на широкое внедрение в отношения между гражданами двух стран институтов, практик и ритуалов дружбы, ярким примером которых являлись регулярно проводившиеся в 1970—1980-е годы массовые фестивали дружбы молодежи СССР и ГДР. В целом автор статьи делает вывод о том, что проект конструирования советско-немецкой дружбы оказался недостаточно эффективным не только из-за скрытых мемориальных противоречий, но также из-за отсутствия перспективной картины совместного будущего. Граждане двух стран, особенно молодежь, к 1970—1980-м годам так и не получили четкого, реалистичного представления о будущем совместном развитии их стран в рамках общего проекта социалистической интеграции, что способствовало росту скепсиса в данном направлении и в итоге стало одной из причин краха социалистического блока в конце 1980-х годов.

Ключевые слова:

международные связи; социалистическая интеграция; Совет экономической взаимопомощи; общество дружбы; проработка прошлого; политика памяти; молодежные фестивали; ГДР; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The attempt to characterize the process of “building of friendship” within the socialist bloc on the example of relations between the USSR and the GDR is made in the article. The leadership of these countries sought to establish the most friendly relations, the basis for which was a memorial consensus based on the unconditional acceptance by the official German side of the Soviet view of the events of World War II. However, at the level of interpersonal contacts, the “negative tail” of the communicative memory of the events of 1941—1945 persisted (moving into the “zone of silence”), even despite the widespread introduction of institutions, practices and rituals of friendship into relations between citizens of the two countries, a vivid example of which was regularly mass festivals of friendship between the youth of the USSR and the GDR, held in the 1970s and 1980s. In general, the author of the article concludes that the project of constructing the Soviet-German friendship was not effective enough not only because of the hidden memorial contradictions, but also because of the lack of a promising picture of a common future. By the 1970s and 1980s, citizens of the two countries, especially young people, had not received a clear, realistic idea of the future joint development of their countries within the framework of the common project of socialist integration, which contributed to the growth of skepticism in this direction and, as a result, became one of the reasons for the collapse of the socialist bloc in the late 1980s.

Key words:

international relations; socialist integration; Council for Mutual Economic Assistance; friendship society; development of the past; memory politics; youth festivals; GDR; USSR.

«Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949—1989)

© Попов А. Д., 2022

1. Введение = Introduction

В апреле — июне 1945 года высшими идеологическими органами СССР был принят ряд постановлений, согласно которым прекращалось использование лозунгов «Смерь немецким оккупантам!» и «Убей немца!», до этого занимавших важное место в советской военной пропаганде [Смена лозунга, 2005]. В краткосрочной перспективе это было необходимо для того, чтобы сократить возможные проявления жестокости по отношению к мирному населению на занятой Красной Армией немецкой территории. В долгосрочной перспективе исключение крайнего антагонизма по отношению к побежденному врагу (через разведение ранее использовавшихся как синонимы понятий: немец = фашист = враг) создавало условия для постепенного выстраивания идейного фундамента социалистического проекта советско-немецкой дружбы, который реализовывался до объединения Германии в конце 1980-х годов и имел множество проекций: идеологическую, экономическую, культурную, коммуникативную и др.

Двухсторонние контакты между Советским Союзом и «своей», «нашей» Германией активизировались после образования в 1949 году Германской Демократической Республики и охватывали все сферы общественной жизни двух стран — от военно-технического сотрудничества и обмена товарами до совместных образовательных, туристических, спортивных проектов. В связи с этим большое количество граждан СССР и ГДР вступали в различного рода контакты, не только очные (во время совершения служебных командировок, туристических поездок), но и дистанционные (обмен приветствиями и поздравлениями между трудовыми коллективами, дружеская переписка на личном уровне).

Создание благоприятного эмоционально-психологического фона для таких контактов, безусловно, требовало определенной «проработки прошлого» — сближения существующих в коллективной памяти представлений о недавних событиях периода Второй мировой войны, когда подавляющее большинство граждан Советского Союза и Восточной Германии находились по разные стороны линии фронта и являлись врагами.

22 июня 1946 года, спустя 5 лет после нападения нацистской Германии на Советский Союз, восточногерманский лидер Отто Гротеволь обратился к со-

гражданам с обращением, в котором говорилось, что «каждый, кому дорога судьба Германии, обязан всеми силами стремиться к тому, чтобы Германия впредь всячески старалась жить в нерушимом мире и неразрывной дружбе (здесь и далее в цитатах курсив автора. — А. П.) с советским народом» [Цит. по: Тихомиров, 2014, с. 77]. Соответствующие положения были юридически закреплены в «Договорах о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве» между СССР и ГДР, которые подписывались в 1955, 1964 и 1975 годах.

Курс на установление максимально дружественных связей, в том числе на межличностном уровне, стал лейтмотивом отношений двух стран. Когда спустя несколько десятилетий, уже в 1980-е годы, одна из делегаций советских ветеранов посетила ГДР, то её участники констатировали «глубокое удовлетворение тем, что *дружба* Советского Союза и Германской Демократической Республики стала делом широких народных масс, что между нашими странами существует единство взглядов по всем актуальным вопросам современности, что в отношениях между нашими народами сложилась атмосфера искренности, взаимного уважения и товарищеского доверия» [ADRM, bd. 25, bl. 12—13]. Однако в действительности ситуация не была такой идиллической, что наглядно проявилось в последующие годы и десятилетия.

В данной статье будет предпринята попытка охарактеризовать рамочные условия и особенности процесса «конструирования дружбы» в послевоенных отношениях СССР и Восточной Германии. Несмотря на наличие определенного количества работ об истории советско-восточногерманских отношений в культурно-идеологической, мемориальной и иных сферах [Вершинин, 2003; Нагорная, 2021; Тихомиров, 2014; Флакке, 2005; Behrends, 2006; Satjukow, 2008 и др.], данный вопрос всё ещё остается недостаточно проработанным в концептуальном отношении. Для достижения поставленной цели будут рассмотрены важнейшие институты, практики и ритуалы дружбы между СССР и ГДР, призванные выполнять консолидирующие и интегрирующие функции, с особым акцентом на их темпоральные проекции (взаимосвязь образов прошлого, настоящего и будущего).

2. Под девизом «Дружба / Freundschaft»: институты и каналы межкультурной коммуникации

В своей работе, посвященной экспорту культа И. В. Сталина в Восточную Германию сразу после окончания Второй мировой войны, исследователь А. А. Тихомиров отмечает, что после начала формирования социалистического блока пропагемы «дружбы народов» и «единой братской семьи» вышли за пределы Советского Союза и начали постепенно распространяться на народы Центральной и Восточной Европы, включая и немецкий народ [Тихомиров, 2014, с. 39]. В институциональном плане основной организа-

цией по «конструированию дружбы» с «братскими» народами Советского Союза в ГДР выступало созданное ещё в конце 1940-х годов Общество германо-советской дружбы (*Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft*, далее ОГСД / DSF). Статистически по количеству участников эта массовая организация уступала лишь восточногерманским профсоюзам. К середине 1980-х годов количество членов ОГСД / DSF превышало 6 млн человек, причем наибольшее количество «друзей СССР» проживали в таких городах, как Дрезден, Галле и Карл-Маркс-Штадт [Kuhn, 2002, s. 399]. Важной частью институциональной инфраструктуры ОГСД / DSF являлись так называемые Дома германо-советской дружбы (Дома DSF), количество которых в первой половине 1980-х годов составляло 26 [С горячим сердцем, 1983]. Здесь размещался аппарат функционеров, находились соответствующие информационные и визуальные материалы, проходили многочисленные мероприятия.

О том, насколько активной и сфокусированной была данная работа в Восточной Германии, свидетельствует тот факт, что, помимо привычного для соцстран социалистического соревнования в интенсивности труда, здесь существовало и своеобразное «соревнование в дружбе» с Советским Союзом. Ежегодно к 1 мая региональные отделения ОГСД / DSF на конкурсной основе присваивали отдельным трудовым коллективам звание «Коллектив германо-советской дружбы». В первой половине 1980-х годов такое звание имели около 117 тыс. восточногерманских коллективов [Абрасимов, 1983, с. 306]. Для определения победителей учитывалась активность деятельности ячеек ОГСД / DSF на предприятиях, в том числе по проведению различных мероприятий, направленных на установление дружеских связей с советскими коллективами и ознакомление немецких трудящихся с жизнью в СССР (посещение Домов DSF, проведение тематических встреч, творческих вечеров, обсуждение книг советских авторов, просмотр советских фильмов) [Киракозова, 1979, с. 48].

Как отмечалось выше, уже со второй половины 1940-х годов в рамках реализации проекта по созданию социалистического блока происходила интеграция СССР и Восточной Германии по всем направлениям. Соответственно, постоянно увеличивалось количество участников двухсторонних контактов между этими странами. В ряде работ автора [Попов, 2011; Попов, 2013] уже была подробно охарактеризована специфика туристического обмена между Советским Союзом и ГДР, масштабы которого в 1950—1980-е годы имели устойчивую тенденцию к росту. Например, только за 1975 год более 54 тыс. советских туристов посетило Восточную Германию, а встречный турпоток составил более 143 тыс. туристов из числа граждан ГДР [Попов, 2013, с. 124]. При этом программы посещения в обеих странах были насыщены такими ритуальными мероприятиями, как торжественные

встречи и проводы на вокзалах, «дружеские встречи» (*Freundschaftstreffen*) на предприятиях, «вечера дружбы», «балы дружбы», посещение мемориалов событиям Второй мировой войны с возложением цветов и оставлением записей в книгах отзывов.

Особенно насыщенной подобными мероприятиями была программа участников так называемых «поездов дружбы», которыми СССР и ГДР регулярно обменивались по линии профсоюзов, массовых молодежных объединений, туристических организаций, а также в рамках движения породненных городов. Руководитель одной из молодежных групп, посетивших ГДР весной 1968 года на «поезде дружбы», подсчитал, что за 12 дней поездки состоялось «более 100 встреч с немецкими друзьями», которые, судя по официальному отчету, всегда носили искренний, теплый и дружеский характер [РГАСПИ, ф. м-5, оп. 1, д. 585-А, л. 45]. Следует отметить, что советский аналог ОГСД / DSF — Советское общество дружбы с ГДР (СОДГ) — имело гораздо меньшую степень вовлеченности, к тому же по уставу могло включать только коллективных членов (как и другие советские общества дружбы с зарубежными странами). К середине 1980-х годов СОДГ имело всего около 2,5 тыс. первичных отделений-ячеек на предприятиях и учреждениях Советского Союза [Абрасимов, 1983, с. 306]. Поэтому в деле организации масштабных программ сотрудничества восточногерманские партнеры чаще напрямую взаимодействовали с ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС.

Мощным фактором, стимулировавшим советско-немецкие контакты на межличностном уровне в рассматриваемый период, являлось постоянное присутствие в Восточной Германии контингента советских войск, через который со второй половины 1940-х и до рубежа 1980—1990-х годов на условиях ротации прошло почти 6 млн солдат и офицеров. Причем значительная часть офицерского корпуса находилась здесь вместе со своими семьями. Как показано в исследовании немецкого историка Силке Сатюков, советские военнослужащие в ГДР, несмотря на достаточно строгую регламентацию их пребывания, имели не только деловые, но и дружественные отношения с представителями местного населения, не считавшими их захватчиками и оккупантами (*Besatzer*) [Satjukow, 2008].

Чрезвычайно насыщенными были программы культурного обмена между двумя странами, выразившиеся в проведении тысяч различных мероприятий, творческих фестивалей, выставок, гастролей. Самый известный символом культурного сотрудничества между двумя странами стал акт передачи ГДР в середине 1950-х годов в отреставрированном виде более 1,2 тыс. шедевров изобразительного искусства, которые были вывезены из Дрездена в Советский Союз весной-летом 1945 года. После этого эффектного жеста культурной дипломатии в вестибюле Дрезденской

картинной галереи каждый посетитель мог увидеть надпись следующего содержания: «*Спасенные советским народом и переданные немецкому народу шедевры Дрезденской галереи мы будем с благодарностью хранить во имя мира и дружбы народов*» [Зелинский, 1959, с. 25].

Граждане двух стран также активно включались в такие заочные формы коммуникации, как «дружба по переписке». Несмотря на то, что авторы имели небольшие шансы встретиться лично, их письма могли быть очень приятными и эмоциональными, зачастую сопровождалась рисунками, самостоятельно сделанными открытками, коллажами вырезок из прессы и проч. Нередко такие контакты поддерживались на уровне школ в целом, тогда предметами дружественного трафика могли являться различные сувениры, саженцы «деревьев дружбы» и даже земля с мест захоронения советских воинов, погибших на немецкой территории, см., например: [Нагорная, 2021, с. 146]. Общий характер отношений между странами создавал благоприятный идейно-политический фон для такой «дружбы на расстоянии». Но здесь мог присутствовать и прагматический аспект, который признавали сами «друзья по переписке». В частности, важной целью при обмене корреспонденцией часто было желание улучшить знание иностранного языка (русского для граждан ГДР и немецкого для советских граждан) [Миляева, 1984], а для руководства школ поддержание практик интернациональной дружбы могло иметь статусные функции.

3. «Помнить, чтобы не повторить»: образы прошлого и попытки достижения мемориального консенсуса

Лозунги мира и дружбы между народами являлись ключевыми, универсальными «паролями» советской внешней политики и культурной дипломатии в послевоенный период [Нагорная, 2021, с. 136—137]. Однако их использование конкретно в Германии было несколько затруднено неизбежными историческими аллюзиями, связанными с событиями Второй мировой войны. Мемориальный консенсус, без достижения которого установление дружественных или, как минимум, нейтральных отношений между гражданами двух стран, строился по советскому канону, который на официальном уровне безоговорочно принимался восточногерманской стороной. Таким образом, Восточная Германия не только подчеркивала свой разрыв с нацизмом 1930—1940-х годов [Флакке, 2005], но и дистанцировалась от ФРГ, которая прямо объявлялась очагом возрождения политики неонацизма и оставалась для Советского Союза «чужой», «враждебной» Германией, своеобразным антиподом дружественной ГДР (анти-ГДР).

Отмежевание от нацистского прошлого в Восточной Германии постоянно подчеркивалось на самом высшем уровне. Во время посещения Сталин-

града в 1958 году политический лидер ГДР Вальтер Ульбрихт оставил следующую запись в книге отзывов: «Честь и слава героическим борцам, которые *освободили* от фашизма советскую страну и народы Европы. *Героизм* советского народа является для нас образцом в борьбе против германского империализма, который в Западной Германии вновь поднимает голову» [ГАВО, ф. Р-6527, оп. 1, д. 104, л. 95]. Спустя несколько десятилетий новый восточногерманский руководитель Эрих Хонеккер выражает приверженность той же линии, говоря о всемирно-исторической победе советского народа над фашизмом во имя мира и светлого будущего человечества [Хонеккер, 1985].

Та же тема братской дружбы, построенной на мемориальном консенсусе, звучала во время посещения советскими гражданами мемориалов, расположенных на территории Восточной Германии. Так, группа советских специалистов, посетивших расположенный на Зееловских высотах мемориал погибшим здесь бойцам Красной Армии, в своей памятной записи выражала «глубокую признательность немецким товарищам за то, что они чтят память Советских воинов, павших за *светлое будущее* наших *народов-братьев*» [AGMSH, bd. 3, bl. 47]. Традиционное для советского дискурса клише о «светлом будущем» использовалось здесь, как и в других многочисленных текстах, без конкретики, каким именно оно может быть.

На этом фоне большое значение приобретала популяризация в медийном поле двух стран деятельности немецкого антифашистского сопротивления (включая персональный мемориальный культ погибшего в нацистском концлагере лидера немецких коммунистов Эрнста Тельмана), а также случаев «перехода на сторону добра» отдельных представителей нацистских вооруженных сил. В частности, огромную известность приобрел Рудольф Петерсхаген, бывший военный комендант Грайфсвальда, в апреле 1945 года приказавший без сопротивления сдать его наступающим частям Красной Армии. В период существования ГДР он стал почетным гражданином Грайфсвальда, автором многократно переиздававшегося на немецком и русском языках автобиографического произведения «Мятежная совесть» («*Gewissen in Aufruhr*»), а также постоянно участвовал во встречах с советскими гражданами и других мероприятиях по линии советско-германской дружбы, см., например: [ГАРФ, ф. Р-9520, оп. 1, д. 592, л. 154].

Однако на уровне межличностных контактов «негативный шлейф» индивидуальной или семейной памяти о событиях 1941—1945 годов всё же проявлялся довольно часто. Несмотря на публичные свидетельства достижения консенсуса в вопросах совместной «проработки прошлого», на персональном уровне многие граждане ГДР старались избегать обсуждения событий военного прошлого, пытались переместить эту тему в «зону умолчания». Посетивший в 1970-е годы ГДР советский инженер

Е. П. вспоминал, что иногда во время неформального общения на вечерах советско-германской дружбы немецкие мужчины признавались, что во время Второй мировой войны воевали на территории Советского Союза, но стремились подчеркнуть якобы «мирный» характер своих функций на фронте (шофер, повар) [Запись интервью с Е. П.]. Участница туристической поездки в ГДР весной 1977 года Т. П. отмечала, что её неприятно поразило неухоженное состояние некоторых памятников погибшим бойцам Красной Армии (например, во Франкфурте-на-Одере), а контакты с жителями Восточной Германии она оценивала как «вежливо-холодные». По её утверждению, сопровождавший группу немецкий гид-переводчик и некоторые другие местные жители сознательно уходили от обсуждения военной темы. Также гид якобы предупреждала персонал гостиниц и кафе, где обслуживались советские туристы, что в группе есть знающие немецкий язык, «чтобы они что-то лишнее не сказали» [Запись интервью с Т. П.].

В свою очередь даже спустя несколько десятилетий после окончания войны советские ветераны во время посещения Восточной Германии вспоминали о существовавшем в прошлом антагонизме: «Поездка по Берлину взволновала нас еще и по другой причине. Что скрывать, мы не забыли — не могли забыть — ту пору, когда каждый из нас ненавидел этот город» [Цит. по: Вершинин, 2003, с. 346].

На рубеже 1980—1990-х годов, вместе с крахом социалистического блока, сложившийся ранее на официальном уровне мемориальный консенсус был ликвидирован. Эта тенденция прослеживается, например, в концептуальных изменениях содержания экспозиции музея Берлин-Карлсхорст, мемориализующего место подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. После объединения Германии немецкая сторона сделала многое для того, чтобы миссия Красной Армии на немецкой земле в 1945 году не воспринималась как освободительная, а советские солдаты и офицеры лишились героического ореола, подробнее см.: [Морре, 2017, с. 149—152].

4. Вместе к торжеству коммунизма? От прошлого к будущему

Если в вопросах исторической памяти базовой константой взаимоотношений между двумя странами было признание советского освобождения Германии от фашизма и безоговорочное отмежевание от нацизма, то в описаниях настоящего часто фокусировалось внимание на материально-экономической помощи СССР, которую ГДР действительно получала на постоянной основе. К 1980-му году советские поставки в Восточную Германию обеспечивали 100 % её потребностей в природном газе и древесине, 90 % — в нефти и хлопке, 65 % — в железной руде и т. д. [Верши-

нин, 2003, с. 341]. Символом экономического взаимодействия двух стран стал построенный совместными усилиями магистральный нефтепровод «Дружба» протяженностью более 5,3 тыс. км, связавший Альметьевск и город Шведт, расположенный на восточной границе ГДР.

Преимущество отдельных производственных технологий, применяемых в ГДР (автоматизированные системы управления, оптика), советские граждане, даже не являющиеся участниками специализированных групп, могли видеть, например, во время посещения знаменитой Лейпцигской выставки-ярмарки. В этом случае последствия Второй мировой войны для СССР также служили оправдательным аргументом. Один из посетивших ГДР советских визитеров прямо заявил, что «немецкие рабочие должны знать, с какими трудностями столкнулись мы ... нам пришлось залечивать тяжелые раны, возрождать буквально из пепла и руин тысячи заводов, городов и сел. Если бы не война, советский народ ушел бы далеко вперед» [Цит. по: Нагорная, 2021, с. 141—142]. Но особенно очевидным для рядовых советских посетителей на обывательско-повседневном уровне было преимущество восточногерманской сферы услуг — торговли, гостинично-ресторанного дела [ГАРК, ф. Р-3776, оп. 1, д. 417, л. 62—63; Гинзбург, 1956, с. 18—19], которое намного сложнее было объяснить отсылками к последствиям войны.

Вместе с поиском взаимных различий, которые, несомненно, проявлялись в образе жизни, культуре поведения, менталитете, необходимо было найти точки сближения. В текстах советских тревелогов о посещении ГДР особо подчеркивалось наличие здесь социальных гарантий, привычных для СССР — бесплатного предоставления жилья, социальной помощи матерям с детьми, возможности отдыхать в здравницах системы профсоюзов [Зелинский, 1959, с. 24—25], что опять же подавалось на контрасте с «диким капитализмом» Западной Германии. Подчеркивалось, что именно социалистический строй создает условия для получения этих благ трудящимися в обеих странах. В темпоральной перспективе настоящего бывшие враги превращались в друзей, тогда как бывшие союзники по антигитлеровской коалиции объявлялись врагами. Особенно сильна была антиамериканская риторика, достигшая своего апогея в первой половине 1980-х годов.

Во время различных мероприятий, посвященных советско-немецкой дружбе, не могла не подниматься тема современного состояния и перспектив отношений двух стран. При этом на первое место выходила антивоенная и мобилизационная риторика. Так, во время международной встречи молодежи социалистических стран за мир и разоружение, состоявшейся в Потсдаме в мае 1983 года, присутствовавшие советские делегаты заявляли: «Ударным трудом юноши и девушки крепят позиции социализма, всех

миролюбивых сил в мире... И мы верим, что упорный совместный труд молодежи всей планеты принесет такой же благодатный урожай на ниве мира и разоружения» [Планете Земля ..., 1983]. В том же году была опубликована автобиографическая книга П. А. Абрасимова, который в 1962—1971 и 1975—1983 годах являлся чрезвычайным и полномочным послом СССР в ГДР. В ней он в лучших традициях позднесоветского пропагандистского дискурса, цитируя многочисленные программные документы и постановления ЦК КПСС, заявлял, что «построенный в боях социализм — вот тот памятник, который воздвигнут народами СССР и ГДР, твердой поступью идущих в едином строю к единой цели» [Абрасимов, 1983, с. 351]. Эту цель он тут же схоластически обозначил как «торжество коммунизма», хотя и в Советском Союзе, и тем более в Восточной Германии на тот момент уже была совершенно очевидна утопичность данного курса.

5. Советско-немецкие фестивали дружбы: апофеоз интеграционных усилий

Очень показательными для раскрытия темы данного исследования являются регулярно проводившиеся в 1970—1980-е годы фестивали дружбы молодежи СССР и ГДР. Всего состоялось 7 таких фестивалей, которые поочередно организовывались на территории двух стран-партнеров: в Дрездене (1970), Ленинграде (1972), Галле (1975), Волгограде (1977), Карл-Маркс-Штадте (1980), Киеве (1983) и Гере (1987). Количество приглашенной на фестиваль делегации участников из другой страны обычно составляло до 600—700 чел. — именно столько мог перевезти специально назначаемый для таких целей «поезд дружбы». В организационном плане фестивали проводились под эгидой ЦК ВЛКСМ и высшего руководства Союза свободной немецкой молодежи (*Freie Deutsche Jugend*), лидеры этих организаций возглавляли фестивальные делегации.

Программа во многом напоминала проводившиеся с 1947 года Всемирные фестивалы молодежи и студентов. В частности, это проявлялось в массовых и зрелищных парадно-театрализованных церемониях открытия и закрытия фестивалей, чаще всего проводимых на спортивных стадионах. Также, чтобы сделать эти мероприятия более интересными для молодежи, в них активно включались разного рода культурно-развлекательные элементы: массовые праздники, концерты популярных исполнителей и выступления молодежных самодельных коллективов, дискотеки, просмотры кинофильмов, речные прогулки на теплоходах и т. п. [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 617, л. 17—18].

Но все же основное ядро программы фестивалей составляли протокольно-политические мероприятия: митинги, шествия, официальные приемы,

семинары и дискуссии на политические темы. Зачастую они посвящались событиям глобальной повестки периода Холодной войны — выражению солидарности с вьетнамским народом, борющимся с американскими империалистами, или акциям под девизами «Молодежь двух стран против гонки вооружений!», «Нет нейтронной бомбе!» и т. д. Интересно, что, во всяком случае с советской стороны, для участия в семинарах и дискуссиях на актуальные темы в составе фестивальной делегации специально выделялась «политическая группа», состоявшая из наиболее подготовленных в идейно-политическом плане комсомольцев [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 1288, л. 1—2].

Мемориальным мероприятиям также уделялось большое внимание. Например, во время проведения фестиваля в Дрездене (1970) основная масса делегатов дважды выезжала в Берлин, чтобы принять участие в памятных акциях у мемориала в Трептов-парке [РГАСПИ, ф. М-5, оп. 30, д. 640, л. 5—6, 22]. Примечательно, что даже во время фестивалей, проходивших на территории СССР, широко использовался распространенный в немецкой культуре ритуал торжественного факельного шествия (*Fackelzug*). Например, во время фестиваля в Ленинграде (1972) совместное факельное шествие молодежи двух стран и митинг-реквием были проведены на Пискаревском мемориальном кладбище в память о подвиге защитников города-героя и жертвах блокады. Каждый из участников мероприятия и с советской, и с немецкой стороны получил памятный подарок — издание «Блокадного дневника» Тани Савичевой [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 34, д. 617, л. 47—53; Ежелев, 1972].

Ритуальную часть дополняли и другие практики производства символического единства и «конструирования дружбы»: встречи и проводы на вокзалах, высадка аллей и скверов дружбы. Имели место также ритуалы принятия совместной клятвы, например, содержащей такие призывы: «Клянемся всегда быть в рядах молодых борцов против империализма, за мир, свободу и светлое будущее народов» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 925, л. 187].

В архивных документах, а тем более в газетных публикациях об этих фестивалях нам не удалось найти информацию о каких-либо инцидентах во время их проведения. Однако определенная эмоционально-психологическая напряженность, связанная со «сложным прошлым», подтверждается отдельными эго-документами. Например, одна из жительниц Волгограда в своих воспоминаниях о проходившем в этом городе-герое фестивале дружбы подчеркивала следующее: «Надо сказать, что к немцам у нас было двойственное чувство. С одной стороны мы понимали, что это молодежь из *дружественной* нам страны, что после войны уже прошло более 30 лет, время идёт вперёд, но в тоже время, в нас подспудно сидело, что их деды, а может и отцы убивали наш народ, а кто-то и воевал в Сталинграде» [Юга-

нова, 2016]. Она же вспоминала, что, по слухам, один из немецких делегатов, глядя на Волгу, сказал: «Не такая уж она и широкая, эта Волга. Как, наши солдаты, в 42 году не могли перебраться на ту сторону?» [Там же].

Помимо мероприятий с общеполитической и мемориальной направленностью, в программы подобных фестивалей активно включались также экскурсии на производства, встречи по профессиям, встречи рационализаторов и изобретателей, конкурсы профессионального мастерства, заключались договоры о международном социалистическом соревновании между коллективами СССР и ГДР, см., например: [Ефимов, 1972; Пономарев, 1977]. Один из дней фестиваля выделялся для поведения интернационального субботника, когда молодые граждане двух стран совместно работали на месте сооружения какого-либо важного объекта (например, в Волгограде — музея-панорамы «Сталинградская битва») [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 640, л. 66—67]. Это имело не только мобилизующее значение, стимулируя к более творческому и производительному труду, но и в известной степени способствовало обмену производственным опытом.

В целом фестивали дружбы молодежи СССР и ГДР имели огромный информационный и общественный резонанс. Благодаря насыщенной программе они становились запоминающимся событием для участников, хотя некоторые из них и жаловались на «усталость и перегрузки» из-за плотности программы, а также осторожно критиковали официозный характер отдельных мероприятий [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 30, д. 1288, л. 18].

6. Заключение = Conclusions

В целом на основе анализа значительного количества источников можно согласиться с выводом исследователя С. Е. Вершинина о том, что вся послевоенная риторика о братстве и равноправии СССР и ГДР при более внимательном рассмотрении демонстрирует постулирование морально-идеологического и социально-экономического превосходства советской стороны над восточногерманской, однако это условное превосходство далеко не всегда было очевидно на повседневно-бытовом уровне [Вершинин, 2003, с. 341—344, 350—352]. Политическое руководство СССР и ГДР декларировало ориентацию на установление максимально дружеских, равноправных, «братских» отношений, однако с учетом исторических и геополитических реалий они должны были базироваться исключительно на советской трактовке событий Второй мировой войны в сочетании с признанием лидерской роли Советского Союза в определении перспектив совместного будущего. Но если в мемориальном плане для ГДР существовали четко заданные рамки и установки (признание освободительной роли СССР, безоговорочное осуждение нацизма, признание советского пантеона героев и пандемониума

антигероев и проч.), которым решено было следовать, как минимум, на официальном уровне, то относительно перспектив наблюдалась максимальная неопределенность. Граждане двух стран, особенно молодежь, к 1970—1980-м годам так и не получили четкого, реалистичного представления о будущем проекта социалистической интеграции. Фактически, как уже отмечалось в одной из статей автора, вместе с исчезновением веры в реалистичность коммунизма, характерным для позднего СССР, изменились и консолидирующие основания международных дружественных связей. Вместо дружбы с созидательно-позитивным подтекстом (наши друзья те, кто вместе с нами строит коммунизм) основой для консолидации всё чаще начинает выступать борьба с достаточно абстрактными негативными явлениями (империализм, капитализм, неонацизм, неоколониализм) и олицетворяющими их странами (прежде всего США и Западной Германией), подробнее см.: [Попов, 2018, с. 1019]. Все это в сочетании с абсолютной схоластичностью и утопичностью декларируемого курса на достижение коммунизма приводило к кризису позитивной мотивации, идейному скепсису, формально-показным формам мобилизации и консолидации, что и стало одной из причин краха социалистического блока в конце 1980-х годов.

Источники и принятые сокращения

1. *Абрасимов П. А.* 300 метров от Бранденбургских ворот. Взгляд сквозь годы / П. А. Абрасимов. — Москва : Политиздат, 1983. — 352 с.
2. ГАВО — *Государственный архив Волгоградской области*. Ф. Р-6527 (Волгоградский государственный музей обороны). Оп. 1. Д. 104. Л. 95.
3. ГАРК — *Государственный архив Республики Крым*. Ф. Р-3776 (Крымский областной совет профессиональных союзов). Оп. 1. Д. 417. Л. 62—63.
4. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-9520 (Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС). Оп. 1. Д. 592. Л. 154.
5. *Гинзбург Л.* Берлин — Лейпциг — Веймар / Л. Гинзбург // *Новое время*. — 1956. — № 14. — С. 17—20.
6. *Запись* интервью с Е. П., мужчина, 1946 г.р. Личный архив автора.
7. *Запись* интервью с Т. П., женщина, 1938 г.р. Личный архив автора.
8. *Зелинский Л.* По городам Саксонии / Л. Зелинский // *Новое время*. — 1959. — № 43. — С. 24—26.
9. *Миляева Т.* Общий язык / Т. Миляева // *Магнитогорский металл : газета*. — 1984. — 8 марта. — С. 2.
10. *Ежелев А.* Памяти жертв фашизма / А. Ежелев // *Известия : газета*. — 1972. — 28 июня. — С. 6.
11. *Ефимов А.* Добро пожаловать, друзья / А. Ефимов // *Ленинградская правда : газета*. — 1972. — 24 июня. — С. 2.
12. *Планете Земля — мирное небо!* // *Комсомольская правда : газета*. — 1983. — 22 мая. — С. 4.
13. *Пономарев М.* С открытым сердцем / М. Пономарев // *Волгоградская правда : газета*. — 1977. — 24 июня. — С. 3.

14. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ). Оп. 30. Д. 640. Л. 5—6, 22, 66—67; Д. 925. Л. 187; Д. 1288. Л. 1—2; 18; Оп. 34. Д. 617. Л. 17—18; Л. 47—53; Ф. М-5 (Бюро международного молодежного туризма «Спутник»). Оп. 1. Д. 585-А. Л. 45.

15. *С горячим сердцем* [интервью с Президентом ОГСД Эрихом Мюккенбергом] // Правда : газета. — 1983. — 26 января. — С. 3.

16. *Хонеккер* Э. Всемирно-историческая победа во имя мира и счастливого будущего человечества / Э. Хонеккер // Правда : газета. — 1985. — 7 мая. — С. 1.

17. *Юганова Т.* На IV фестивале дружбы молодёжи СССР–ГДР (2016) / Т. Юганова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ok.ru/group/58992758685752/topic/68250191402296> (дата обращения 16.02.2022).

18. ADRM — *Archiv des Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst*. Band 25. Книга отзывов почетных посетителей Музея истории капитуляции фашистской Германии в войне 1941—1945 гг. (1985—1987 гг.).

19. AGMSH — *Archiv der Gedenkstätte/Museum Seelower Höhen*. Band 3. Gästebuch Gedenkstätte der Befreiung auf den Seelower Höhen (1980—1984).

Литература

1. *Вершинин С. Е.* Образ ГДР в советском массовом сознании / С. Е. Вершинин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. — Екатеринбург : Ифин, 2003. — С. 336—353.

2. *Киракозова Н.* Работники торговли к 30-летию ГДР / Н. Киракозова // Советская торговля. — 1979. — № 8. — С. 46—49.

3. *Морре Й.* История сотрудничества на примере Германно-российского музея Берлин-Карлсхорст / Й. Морре // Преодоление прошлого в Германии и России : опыт и уроки на будущее. Мат. Междун. науч. конф. — Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шаньского, 2017. — С. 148—154.

4. *Нагорная О. С.* Память о Второй мировой войне в коммуникативных пространствах социалистического лагеря / О. С. Нагорная // Трансформация исторической памяти в региональном пространстве / Под ред. А. В. Урядовой. — Санкт-Петербург : Реноме, 2021. — С. 136—148. — ISBN 978-5-7422-7049-2.

5. *Попов А. Д.* Туристские связи Крыма и разделенной Германии в 1950—1980-е гг. : организация, масштабы, специфика [Электронный ресурс] / А. Д. Попов // Таврийські студії. — 2011. — № 1. — С. 138—144. — Режим доступа : <https://kukiit.ru/docs/ts/po1/19.pdf> (дата обращения 18.02.2022).

6. *Попов А. Д.* Туристские связи СССР–ГДР : «технологии дружбы» и «идеологический конвейер»? / А. Д. Попов // Гілея (науковий вісник) : Збірник наукових праць. — 2013. — Выпуск 68. — С. 123—130.

7. *Попов А. Д.* Последнее советское мегасобытие : XII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов 1985 года в Москве / А. Д. Попов // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 1017—1031. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.415.

8. *Смена лозунга* // Родина. — 2005. — № 4. — С. 87.

9. *Тихомиров А. А.* «Лучший друг немецкого народа» : культ Сталина в Восточной Германии (1945—1961 гг.) / А. А. Тихомиров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 310 с. — ISBN 978-5-8243-1861-6.

10. *Флакке М.* Германская Демократическая республика. Из мрака к звездам : государство в духе антифашизма / М. Флакке, У. Шмигельт // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3. — С. 66—75.

11. *Behrends J. C.* Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR / J. C. Behrends. — Cologne : Böhlau Verlag, 2006. — 438 s. — ISBN 978-3-412-23005-0.

12. *Kuhn K.* «Wer mit der Sowjetunion verbunden ist, gehört zu den Siegern der Geschichte...» : Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft im Spannungsfeld von Moskau und Ostberlin. Dissertation... / K. Kuhn. — Mannheim : [b. i.], 2002. — 403 s.

13. *Satjukow S.* Besatzer. «Die Russen» in Deutschland 1945 bis 1994 / S. Satjukow. — Goettingen : Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 2008. — 405 s. — ISBN 9783525363805.

Material resources

Abrasimov, P. A. (1983). *300 meters from the Brandenburg Gate. A look through the years.* Moscow: Politizdat. 352 p. (In Russ.).

Archiv des Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. Band 25. The book of reviews of honorary visitors of the Museum of the History of the Capitulation of Nazi Germany in the war of 1941—1945 (1985—1987). (In Germ.).

Archiv der Gedenkstätte/Museum Seelower Höhen. Band 3. Gästebuch Gedenkstätte der Befreiung auf den Seelower Höhen (1980—1984). (In Germ.).

Efimov, A. (1972). Welcome, friends. *Leningradskaya pravda: gazeta. June 24. 2.* (In Russ.).

Ginzburg, L. (1956). Berlin — Leipzig — Weimar. *Novoe vremya, 14:* 17—20. (In Russ.).

Honecker, E. (1985). The world-historical victory in the name of peace and a happy future of mankind. *Pravda: Gazeta. May 7. 1.* (In Russ.).

Milyaeva, T. (1984). Common language. *Magnitogorsk metal: gazeta. March 8. 2.* (In Russ.).

Planet Earth is a peaceful sky! (1983). *Komsomolskaya Pravda: gazeta. May 22. 4.* (In Russ.).

Ponomarev, M. (1977). With an open heart. *Volgogradskaya pravda: gazeta. June 24. 3.* (In Russ.).

Recording of an interview with T. P., a woman, born in 1938. Personal archive of the author. (In Russ.).

Recording of an interview with E. P., a man, born in 1946. Personal archive of the author. (In Russ.).

Russian State Archive of Socio-Political History. F. M-1 (Central Committee of the Komsomol). Op. 30. D. 640. L. 5—6, 22, 66—67; D. 925. L. 187; D. 1288. L. 1—2; 18; Op. 34. D. 617. L. 17—18; L. 47—53; F. M-5 (Sputnik International Youth Tourism Bureau). Op. 1. D. 585-A. L. 45. (In Russ.).

State Archive of the Volgograd region. F. R-6527 (Volgograd State Museum of Defense). Op. 1. D. 104. L. 95. (In Russ.).

State Archive of the Republic of Crimea. F. R-3776 (Crimean Regional Council of Trade Unions). Op. 1. d. 417. L. 62—63. (In Russ.).

The State Archive of the Russian Federation. F. R-9520 (Central Council for Tourism and Excursions of the VTSPS). Op. 1. d. 592. L. 154. (In Russ.).

With a warm heart [interview with OGS D President Erich Mueckenberg]. (1983). *Pravda: newspaper. January 26. 3.* (In Russ.).

Yezhelev, A. (1972). In memory of the victims of fascism. *Izvestia: gazeta. June 28. 6.* (In Russ.).

Yuganova, T. *At the IV Festival of Youth Friendship of the USSR—GDR (2016).* Available at: <https://ok.ru/group/58992758685752/topic/68250191402296> (accessed 16.02.2022). (In Russ.).

Zelinsky, L. (1959). On the cities of Saxony. *Novoe vremya, 43:* 24—26. (In Russ.).

References

- Behrends, J. C. (2006). *Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR*. Cologne: Böhlau Verlag. 438 s. ISBN 978-3-412-23005-0. (In Germ.).
- Changing the slogan. (2005). *Rodina*, 4: 87. (In Russ.).
- Flakke, M., Schmigelt, W. (2005). German Democratic Republic. From darkness to the stars: the state in the spirit of anti-fascism. *The inviolable reserve*, 2—3: 66—75. (In Russ.).
- Kirakozova, N. (1979). Trade workers to the 30th anniversary of the GDR. *Soviet trade*, 8: 46—49. (In Russ.).
- Kuhn, K. (2002). «*Wer mit der Sowjetunion verbunden ist, gehört zu den Siegern der Geschichte...*»: *Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft im Spannungsfeld von Moskau und Ostberlin. Dissertation...* Mannheim: [b. i.]. 403 s. (In Germ.).
- Morre, Y. (2017). The history of cooperation on the example of the German-Russian Museum Berlin-Karlshorst. In: *Overcoming the past in Germany and Russia: experience and lessons for the future. Mat. International Scientific Conference*. Lipetsk: LSPU named after P. P. Semenov-Tyan-Shan. 148—154. (In Russ.).
- Nagornaya, O. S. (2021). Memory of the Second World War in the communicative spaces of the socialist camp. In: *Transformation of historical memory in the regional space*. St. Petersburg: Renome. 136—148. ISBN 978-5-7422-7049-2. (In Russ.).
- Popov, A. D. (2011). Tourist relations of the Crimea and divided Germany in the 1950s—1980s: organization, scale, specifics. *Tavriysk studii*, 1: 138—144. Available at: <https://kukiit.ru/docs/ts/no1/19.pdf> (accessed 18.02.2022). (In Russ.).
- Popov, A. D. (2013). Tourist relations of the USSR—GDR: “friendship technologies” and “ideological conveyor”? *Gilea (naukoviy visnik): Zbirnik naukovikh prats*, 68: 123—130. (In Russ.).
- Popov, A. D. (2018). The last Soviet mega-event: the XII World Festival of Youth and Students in Moscow in 1985. *The Modern History of Russia*, 8 (4): 1017—1031. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.415. (In Russ.).
- Satjukow, S. (2008). *Besatzer. «Die Russen» in Deutschland 1945 bis 1994*. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag. 405 s. ISBN 9783525363805. (In Germ.).
- Tikhomirov, A. A. (2014). “*The best friend of the German people*”: *the cult of Stalin in East Germany (1945—1961)*. Moscow: Political Encyclopedia. 310 p. ISBN 978-5-8243-1861-6. (In Russ.).
- Vershinin, S. E. (2003). The image of the GDR in the Soviet mass consciousness. In: *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. Yekaterinburg: Ifin. 336—353. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.05.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 27.08.2022.